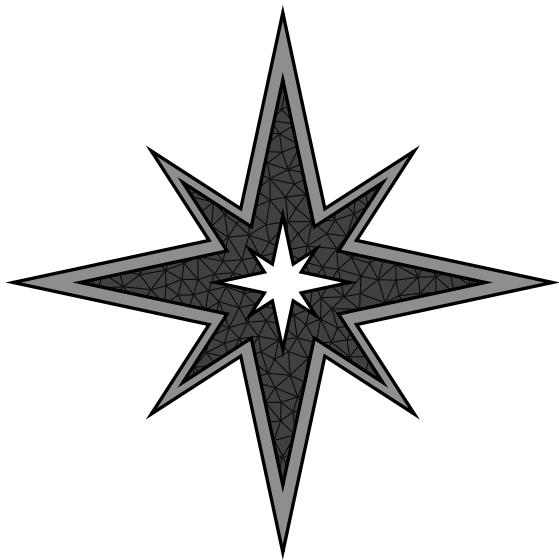

**БУДУЩЕМУ –
ВЕРИТЬ**

RUGRAM

УДК 881.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Б90

Максютов Т., Удалин С.

Б90 Будущему — верить / Т. Максютов, С. Удалин, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 414 с. — (Мозаика миров).

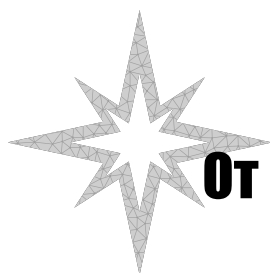
ISBN 978-5-521-89912-8

В твоих руках сборник фантастических рассказов и футурологических эссе о будущем. Будущее — это не только и столько самобеглые повозки, самообучающиеся роботы и межзвёздные полёты. Это, в первую очередь, СВЕТ. Звёздный свет в блистере скафандра, свет добра и справедливости в обществе, свет в душе каждого. Потому что настоящий свет — внутри нас. А значит, будущему — верить! Будущему — быть.

BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-89912-8

© Тимур Максютов, Сергей Удалин,
составители, 2023
© Анатолий Дубовик, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

От составителей

Этот сборник должен был предсказать светлое будущее человечества, веры в которое не хватает всегда, сейчас – особенно.

Но авторы решили по-своему; ведь светлое будущее – это не только и столько самобеглые повозки, самообучающиеся роботы и межзвездные полеты. Это в первую очередь СВЕТ. Звездный свет в блистере скафандра, свет добра и справедливости в обществе, свет в душе каждого.

В результате рассказы получились очень разные, но так даже лучше, честнее. Сколько бы света в себе и в окружающем мире автор ни нашел, все пойдет в ход. И этот свет, хотя бы крошечный лучик, есть в каждом из представленных рассказов, даже в самом пессимистичном. За это мы ручаемся.

Потому что настоящий свет – внутри нас.

Итак, наши авторы, не оглядываясь на нас, создали сложную, трудно сочетаемую мозаику будущего. Нам оставалось только правильно или хотя бы правдоподобно сложить пазл.

И стержнем, на котором будет держаться весь сборник, мы назначили футурологические эссе, которые по нашей просьбе написали известные, уважаемые специалисты в различных областях науки. С некоторой натяжкой сборник можно представить как некий круглый стол с приглашенными экспертами, на котором доклады перемежаются с репликами из зала. Иногда поддерживающими докладчика, иногда оспаривающими его,

а порой, как это нередко случается на подобных мероприятиях, уводящими разговор в сторону. Но потом слово берет следующий эксперт, и обсуждение возвращается в нужное русло.

Правда, первый же докладчик признался, что не видит какого-то определенного вектора будущего, и это немного затруднило обсуждение. И тогда мы на правах модераторов решили ввести неизвестный фактор – пришествие инопланетян. Как оно повлияет на развитие человечества? И разговор сразу завязался.

Дальше все уже пошло гладко: освоение космоса, наука будущего, отдельно медицина и биология, искусство и социальные отношения. По каждому предмету и экспертам и авторам нашлось что сказать. А завершает сборник рассказ, который, по нашему мнению, наиболее чутко и точно уловил главную идею проекта: будущее должно быть.

Тимур Максютов, Сергей Удалин

Василий Владимировский

Счастье не для всех и не даром

Ну что ж, я вас категорически поздравляю: похоже, человечество поумнело.

По крайней мере, наиболее чувствительная и творчески состоятельная его часть.

Мы больше не верим в универсальные утопии. В прекраснотушнне инженерные схемы: «это делай, того не делай, сюда ходи, туда не ходи» – и непременно построишь рай на земле, Новый Иерусалим, Беловодье с молочными реками и кисельными берегами, мамой клянусь. Мир, в котором хочется жить, где «все богаты и свободны от забот и даже самый последний землепашец имеет не менее трех рабов». Эти посулы слишком похожи на инфоцыганство, на ритуальные заклинания интернет-коучей.

Реальный мир чересчур разнообразен, векторы развития суммируются непредсказуемым образом, футурологические прогнозы то и дело дают сбои. Частное перевешивает всеобщее, прокрустово ложе «универсальных ценностей» трещит по швам. То, что хорошо для одного, абсолютно неприемлемо для другого, то, что кажется кому-то идеалом, – для других ад крошечный, какая уж тут универсальность.

«Единственное отличие большинства утопий от не совсем уж экстремальных антиутопий заключается в позиции автора. Лично я из всех известных мне утопий сбежал бы на второй день», – признаётся Дмитрий Вересов в своей программной

статье, опубликованной в этом сборнике. Свое единственно верное представление об идеальном образе будущего можно, конечно, навязать силой – но навязать не всем, ненадолго и уж точно не средствами художественной литературы. Читатели такую фальшь если не понимают, то чувствуют за версту.

Впрочем, вопреки укоренившемуся убеждению (я бы сказал – заблуждению), в последние полвека фантасты отнюдь не перестали сочинять утопии. Локальных «миров, в которых хочется жить» в жанровой литературе не то чтобы бесконечное множество, но хватает, от цикла «Культура» (Culture, 1987–2010) Йена М. Бэнкса до «Конца радуг» (RainbowsEnd, 2006) Вернора Винджа и «2312» (2012) Кима Стенли Робинсона.

До некоторой степени утопичен даже ранний киберпанк, романы Уильяма Гибсона и Брюса Стерлинга, написанные в 1980-х. Мир «Нейроманта» и «Схизматрицы», «Графа Ноль» и «Моны Лизы Овердрайв» – не только мир распада традиционных иерархий, но и кипящий котел субкультур, маргинальных сообществ, пространство возможностей, где путь в социальные лифты открывает не столько принадлежность к прежним ветшающим элитам, сколько ум, талант, уникальные персональные навыки, личная харизма. То, чего не купишь ни за какие деньги и не получишь в наследство вместе с титулом. Правда, стоит расслабиться, дать таланту запылиться, тебя тут же обгонят и сомнут молодые и дерзкие, не питающие почтения к былым заслугам и благородным сединам геронтократов.

Фишка этих утопических сценариев последних десятилетий (или, если угодно, «утопических», в кавычках) в том, что авторы честно признаются: все наши рецепты – не универсальные. Никто не собирается «железной метлой загонять человечество к счастью», вот вам плюсы, вот минусы, вот подводные камни – дальше решайте сами. В прекрасном мире грядущего не всем будет одинаково комфортно, но это лучше, чем, шагая в ногу, с песнями и прибаутками, дружно рухнуть в пропасть. Большие нарративы XX века умерли – и утащили за собой в могилу миллионы непричастных.

Без разнообразия, без набора альтернатив на все случаи жизни государство, общество, человечество в стремительно меняющемся мире обречены.

Есть, правда, один ход, один повествовательный прием, который используют и некоторые авторы этого сборника. Немногие и очень дозированно – но в принципе такая робость понятна: безотказно он работает только в произведениях большого объема. Главный пример на виду: самая влиятельная позднесоветская утопия, цикл Аркадия и Бориса Стругацких о Мира Полудня, продолжает жить и находить сторонников благодаря фигуре умолчания.

Даже внимательно изучив все девять повестей серии, мы почти ничего не узнаем о внутреннем устройстве Мира Полудня. О его экономике, политике, культуре, даже об истории – то есть о том, что делает эту утопию утопией. Существует несколько разных «хронологий Мира Полудня», но все они полны натяжек и предположений, построены на случайных обмолвках героев АБС и догадках исследователей. Стругацкие сознательно избегают конкретики, бесконечных платоновских диалогов о совершенном обществе, без которых редко обходились канонические утопии прошлых веков. Читатель волен сам достраивать картинку, вчитывать близкие ему смыслы – и, как мы видим, пользуется этой возможностью на полную катушку.

Обратите внимание: когда Стругацкие ближе всего подходят к описанию шестерней и механизмов мира грядущего, когда их персонажи заводят речь о преимуществах повального обучения в интернатах или о неполноценности людей, не готовых полностью посвятить себя работе в ущерб личной жизни и бесполезным для общества увлечениям, эта утопия становится наиболее уязвима для критики. Недаром в зрелых произведениях «полуденного» цикла, особенно в повестях «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер», соавторы отчасти пересмотрели концепцию и постарались смягчить противоречия. Правда, и градус утопичности в эпоху Большого Откровения и вертикального прогресса резко пошел вниз.

Большинство участников сборника, который вы держите в руках, сходятся на том, что день грядущий вряд ли принесет человечеству одни приятные сюрпризы. Зато неприятные, шокирующие – запросто. В мире будущего планету раздирают войны, в городах цветет преступность, даже в самых благополучных сценариях (вроде того, что нарисован в рассказе Марии Акимовой «День как день») до «счастья всем, даром» – как пешком до Пекина. Нередко эти сценарии приобретают узнаваемые черты антиутопии («Останутся наши следы» Максима Тихомирова, «Человек у руля» Михаил Гаёхо и др.) – и выглядит это убедительнее любых благостных пасторальных пейзажей.

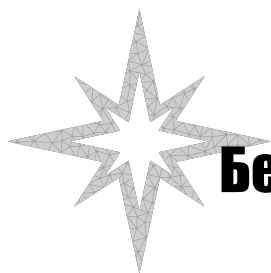
При всем разнообразии сюжетов и изобразительных средств, несходстве авторских взглядов и темпераментов здесь нет ни одного готового рецепта, как нам жить. Никто, даже авторы футурологических эссе, удачно дополняющих художественные тексты, не пытается продать читателям своего слона, внушить, что они владеют секретом чудодейственной панацеи от всех социальных и экономических болячек человечества. Может быть, потому, что понимают: это уже не работает, даже простодушную и доверчивость любителей фантастики есть предел – и этот предел уже достигнут.

Ложная надежда, самое страшное проклятие, вырвавшееся из шкатулки Пандоры, в нынешние непростые времена умирает слишком быстро.

Звучит не слишком оптимистично, согласен. Зато – честно.

Человечество поумнело. Писатели – избавились от наивного оптимизма.

И это – хорошо, это признак зрелости. Может быть, не литературной, но прогностической – определенно.

Андрей Столяров

Без будущего

Отметим одну специфическую особенность современности, на которую почему-то не обращают внимания. Мы живем в уникальной эпохе: впервые за две с половиной тысячи лет человечество существует без привлекательного (позитивного) образа будущего.

И это действительно так.

Будущее возникло еще в Античности. Платон в IV веке до нашей эры предложил проект идеального государства, управляемого, по мысли автора, не политиками, почти всегда преследующими сиюминутные цели, а философами, прозревающими онтологическую ценность «высоких смыслов». Это и был первый образ позитивного будущего. Но и помимо Платона существовали в те времена разнообразные представления о «Солнечных островах», «Аркадиях», «Островах блаженных» и других образах будущего, где человек живет счастливо и беззаботно.

Громадный христианский проект, начавший возникать на рубеже нашей эры, предложил свой образ будущего в виде Царства Божьего, основанного на справедливости и любви – разумеется, в том виде, как их представляла себе тогдашняя европейская теология. Последующие проекты Средневековья и Возрождения, как правило генетически связанные с христианским: теократии Иоахима Флорского и Раймонда Луллия, светские модели Томаса Мора («Утопия»), Томмазо Кампанеллы («Город солнца»),

Фрэнсиса Бэкона («Новая Атлантида») и другие – детализировали этот на первых порах довольно схоластический образ и наполнили его социальными и политическими реалиями. Ну, а далее уже возникли проекты социализма и либерализма, предложившие конкретные социальные технологии для достижения привлекательного грядущего.

Здесь любопытно, что, едва зародившись, утопии (как по книге Томаса Мора начали называть прогностический позитив) сразу же властно потребовали воплощения в жизнь. Уже Платон (как, впрочем, и Сен-Симон через две тысячи лет после него) пытался заинтересовать своими идеями тогдашних правителей. Тени грядущего начали будоражить умы. В этом, кстати, проявляется одно из главных достоинств образа будущего. Каким бы далеким и умозрительным он на первый взгляд ни казался, скольких бы усилий ни требовал для своего построения, но уже самим фактом существования он непосредственно воздействовал на реальность и обладал поэтому громадной созидающей силой. Образ будущего открывал психологически внятную социальную перспективу, устранял атавистический страх человека и общества перед неизвестностью, создавал «точку схождения» спонтанных векторов настоящего и тем самым конвергировал разнонаправленную активность эпохи. Коллективное бессознательное пребывало не в разрушительной смысловой пустоте; напротив, оно было устремлено ко вполне очевидному и привлекательному горизонту.

Конечно, все эти проекты были неосуществимы. Они представляли собой идеал, а идеал – статику абсолютного счастья – невозможно воплотить в изменчивой и спонтанной реальности. И тем не менее у этих проектов имелось важное психотерапевтическое значение: они рождали надежду. Мир мог быть плох, мир мог быть ужасен, мир мог быть трагичен, полон несчастий и тьмы, но где-то там, за линией горизонта, существовало светлое будущее, которого мы в конце концов сумеем достичь.

Вера в это поддерживала целые поколения.